

УДК 141.155

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ПРОСТРАНСТВО ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И ОБЩЕСТВОМ

В.Н. Жук

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Политическая культура представлена как пространство отношений между властью и обществом, в котором появляются, меняются и приходят в упадок различные ценности, нормы, традиции.

Ключевые слова: *культура, политика, традиция, власть.*

Политическая культура в научной литературе рассматривается как совокупность двух классов элементов. К первому относят элементы духовно-ценностного характера: традиции, идеи, нормы политической практики, установки, убеждения, символы и др. Ко второму классу относят элементы институционального характера, которые осуществляют контроль над ценностями, их отбор, сохранение, пропаганду и внедрение в общественное сознание. Это учреждения образования и просвещения (государственные и частные), институты гражданского общества, средства массовой информации.

С философской точки зрения культура не просто сумма вещей или идей, которую надо только эмпирически выделить и описать, а вся созданная человеком действительность. Любой ее фрагмент – в той мере, в какой он способен служить нам отражением наших собственных сил, нашего собственного «Я» – становится элементом культуры.

С этой точки зрения перечисленные выше составляющие политической культуры должны рассматриваться таковыми в той мере, в какой они являются средствами политической, а значит, и культурной самоидентификации человека. Отсюда следует, что политическая культура становится объектом не только социологического исследования.

Политика в широком смысле есть культура управления, т. е. выработки, принятия и исполнения решений власти, а это и есть пространство отношений между властью и обществом. Будем полагать, что эти термины интуитивно понятны. Это пространство и есть пространство политической культуры. Чем оно наполнено, чем сформировано и детерминировано – от этого и зависит состояние культуры и, главное, положение человека в обществе. Поскольку культура – это культура определенной эпохи, постольку для адекватной оценки той или иной эпохи надо ответить на вопрос: насколько полно в эту эпоху – в соответствии с ее спецификой и возможностями – человеческое существование, в какой мере оно достигает полной осмысленности? [4, с. 133]. С этой точки зрения и можно рассматривать состояние политической культуры нашего времени.

Важное место, а в доиндустриальных обществах главное занимает в культуре традиция. Размышляя на эту тему, Т.С. Элиот четко разграничивает традицию и наследие. Традиция – это не вопрос повторения и подражания образцам прошлого, не следование путями, проторенными предшествовавшим нам поколением, в робком и слепом копировании его достижений. Традицию «нельзя унаследовать, и, если вы хотите приобщиться к ней, вам придется немного потрудиться» [13, с. 170]. Традиция связана с чувством истории, которое предполагает ощущение прошлого не только как прошедшего, но и как настоящего; оно побуждает

человека творить. Сохранение традиции позволяет осуществлять переход от поколения к поколению, от эпохи к эпохе. В политике нарушение этого перехода ведет к разрушению политической культуры.

В контексте рассуждений о традиции обратимся к известным историко-культурным феноменам. В дореволюционной России политическая культура и по содержанию, и по смыслу была монархической.

Русский философ и теоретик права И.А. Ильин в анализе монархии и республики обращал особое внимание на правосознание, без которого невозможно постичь жизнь и смысл государственной формы. «Монархическому правосознанию свойственна потребность олицетворения государственного дела. То, что олицетворяется, есть не только верховная государственная власть, как таковая, но и самое государство, политическое единство страны, сам народ» [6, с. 186].

И.А. Ильин, говоря о правосознании, по сути, говорит о политической культуре, о потребности олицетворять государственное дело, – и власть, и государство, и родину-отечество, и весь народ сразу.

Далее – культурное пространство меняется до самого основания, «высшие ценности обесцениваются». Так Ф. Ницше определяет нигилизм.

По мнению М. Хайдеггера, Ф. Ницше понимает нигилизм как процесс в историческом совершении. «Он интерпретирует этот процесс как обесценивание высших ценностей, какие существовали прежде. Бог, сверхчувственный мир как мир истинно сущий и все определяющий, идеалы и идеи, цели и основания, которые определяют и несут на себе все сущее и человеческую жизнь во всем особенном, – все здесь представляется в смысле высших ценностей» [11, с. 24]. Прежние политические традиции и их ценности были отринуты. Постепенно сформировалась тоталитарная политическая культура. Власть сливается с обществом, и между ними нет промежуточного социального пространства (того, что называют гражданским обществом).

Тоталитарная культура полностью, во всех элементах создается властью, ее институтами, проникающими во все области человеческой жизни, «до последнего закоулка городского подвала, деревенского чулана, личной души, научной лаборатории, композиторской фантазии, больницы, библиотеки, газеты, рыбацкой лодки и церковной исповедальни» [6, с. 95].

Мифы, идеологемы, демагогия и т. п. – эти и другие творения, создаваемые умелыми и искусными мастерами, сформировали в обществе «тоталитарное душевное состояние».

С конца 80-х гг. XX в. начинался выход из тоталитарного целого, и происходившие в обществе процессы были оценены оптимистами как формирование демократической культуры.

Культурное пространство постепенно освобождается от тоталитарных ценностей, но наполнение его демократическими оказалось затруднено множеством факторов, сложившихся за предшествующие десятилетия. Определяя сложившуюся в 1990-е гг. в России общественную ситуацию как анархический порядок, В.Г. Федотова подчеркивает, что его сущность определялась слабостью центральной власти, отсутствием коллективных представлений, недействительностью социальных институтов, ... а также специфически российскими чертами – самопомощью и кооперацией и разрывом «с чужой интеллигентной культурой» [10, с. 12–13]. Пустоты, образовавшиеся в постсоветском культурном пространстве, государство пыталось заполнить известными в прошлом ценностями: попытки возродить чисто платоническую политическую философию были предприняты в постсоветскую эпоху, когда появилась необходимость в новом идеологическом

фасаде для русской государственности. В 1996 г. был даже объявлен специальный конкурс на лучший проект русской идеи. Власть захотела править от имени подновленной русской идеи, а не от имени интересов конкретных людей [8, с. 48–49]. Результат этих усилий известен. На смену анархическому порядку приходит апатический как следствие желаний людей обрести более устойчивый порядок, стабильность и безопасность как условия адаптации [10, с. 13].

Пространство политической культуры изменяется в процессе омассовления общества. «Сфера проявления массы есть сфера симуляции в пространстве социального», – пишет Ж. Бодрийяр [1].

«...молчаливое большинство (каковым являются массы) – референт мнимый. Это не значит, что оно не существует. Это значит, что оно не может иметь какой-либо репрезентации. Массы не являются референтом, поскольку уже не принадлежат порядку представления. Они не выражают себя – их зондируют. Они не рефлектируют – их подвергают тестированию. Политический референт уступает место референдуму (организатор постоянного, никогда не прекращающегося референдума – средства массовой информации). Однако зондирование, тесты, референдум, средства массовой информации выступают в качестве механизмов, которые действуют в плане симуляции, а не репрезентации» [1, с. 198]. По словам Ж. Бодрийяра, масса – это зона холода, способная поглотить и нейтрализовать любую действительную активность. Жизнь массового общества – апатия. Массе дали потреблять пошлость, которую она жадно схватила, не выходя из состояния индифферентности, апатии, неясной тревоги [10, с. 17].

Пространство политической культуры заполнено механизмами общественного мнения, PR-технологиями, симулякрами. Важное место в нем имеют средства массовой информации. Макс Вебер писал, что «слово устное использует и современная демагогия, и даже, если учесть предвыборные речи современных кандидатов, – в чудовищном объеме. Но с еще более устойчивым эффектом она использует слово написанное. Главнейшим представителем данного жанра является ныне политический публицист и прежде всего – журналист» [2, с. 667]. Говоря о высокой степени ответственности журналиста, М. Вебер замечает, что серьезные искушения, которые влечет за собой профессия журналиста, привели к таким последствиям, которые приучили публику относиться к прессе со смешанным чувством презрения и жалкого малодушия.

Д.И. Дубровский использует термин «журнализм» для обозначения способа «мышления, обращенного к массовому сознанию и сочетающего в себе функцию здравого отображения и своевольной имитации текущей действительности. Он проявляет в реализации последней чудеса изворотливости, изобретательности, чтобы поддерживать чувства истины, правды, “объективности”» [5, с. 47].

Культура все больше журнализируется. В ней разбухает коммуникативная составляющая в ущерб скрытному росту творческого духа [там же, с. 51]. В массовой жизни людям трудно идентифицировать себя. Идентичность как переживание индивидом себя как целого, как длящееся внутреннее равенство с собой всегда индивидуальная (она же личностная, персональная). [7, с. 47]. Когда речь идет о социальной (политической) идентичности, имеется в виду особое измерение индивида, который в социологии и психологии обозначают как социальное я, не более того. «Этот концепт нельзя смешивать с так называемой коллективной идентичностью» [там же, с. 47.] Культурная самоидентификация индивида возможна на основе использования рациональных форм. В контексте данной темы важной является проблема политической рациональности, одним из исследователей которой был М. Фуко. Под политической рациональностью он понимал тип управления индиви-

дами в отдельности и обществом в целом посредством истины, обнаруживаемой на пересечении власти и знания – власти над собой, так и над другими, и знания себя и других. Политическая рациональность предполагает познающую власть и властвующее знание: власть познает индивидов, субъективирует их, знание же делает возможным само государство, основывающееся на рациональности управления. В концепции политической рациональности акцент смещен именно на знание, причем знание рациональное и прагматическое, поскольку оно ориентировано прежде всего на управление. Любое управление является по сути своей контролем над своим субъектом. Поэтому оно не может не быть рациональным, т. е., по меньшей мере, основывающимся на рациональных стратегиях, а также прагматичным, ориентированным на действие. «В то же время политическая рациональность предстает тем полем, в котором рациональное прагматическое знание и власть встречаются и вступают в сложное интенсифицирующее друг друга взаимодействие» [3, с. 150].

По словам М. Фуко «управление людьми... предполагает некоторую форму рациональности, но никак не просто инструментальное насилие» [там же, с. 151].

Культурное пространство, научное исследование, политическая самоидентификация людей не существуют вне языка. Политические понятия следует определить не просто в вербальных терминах, но в терминах их институциональной последовательности. «История политической или социальной мысли, написанная целиком в терминах словесных определений и выводов, превратилась бы в пародию. Такие выражения, как «демократия», «свобода собраний», «равенство перед законом», будучи оторванными от институционального выражения жизни и дел людей, представляли бы собой не более чем абстрактные достоинства и пожелания» [9, с. 172–173]. Истинная мера социально-политического мышления людей заключается не в формальных дефинициях политических терминов, но в том, какое значение они приобретают как институциональные элементы социальной или политической практики. Ст. Тулмин полагает, что действительно, единственное, что избавляет социальную доктрину или политическую концепцию от превращения в пустой лозунг или мертвую букву, – это существование упорядоченных процедур, благодаря которым они начинают применяться в социально-политической практике. Такие процедуры создают институты, для которых эти концепции служат символами и благодаря которым они получают осмысленное выражение [там же, с. 173]. Основная мысль Ст. Тулмина заключается, таким образом, в том, что появлению новых осмысленных понятий предшествует осознание новых проблем и введение новых процедур, позволяющих решить эти проблемы. И в науке, и в политике понятия приобретают смысл благодаря тому, что они служат человеческим целям в реальных практических ситуациях. Таким образом, изменения в политической жизни постоянно приводят к переосмыслению и новому толкованию многих понятий например, «консерватизм», «либерализм», «левые», «правые» и т. д., что требует от власти, от исследователей ответственности и социальной и научной.

Для того чтобы в пространстве отношений между властью и обществом научные формы знания заняли важное, если не главное место, общество в лице научного сообщества должно препятствовать проникновению в него ненаучных и антинаучных воззрений, о чем с чувством озабоченности рассуждал Дж. Холтом: «Исторический опыт подтверждает, что мезальянс политической власти и активной, наступательно построенной антинатуры – это тревожный симптом общественного нездоровья, опасный вызов, который бросают культуре мракобесы... Не будет преувеличением сказать, что подключение антинатуры к политической механике, вовлеченность ее в авантюры и амбиции политиков способствуют пробуждению зверских начал, до поры дремлющих в глубинах человеческой природы» [12, с. 58].

Список литературы

1. Бодрийяр Жан. Фантомы современности // Карл Ясперс, Жан Бодрийяр. Призрак толпы. М.: Алгоритм, 2007. 212 с.
2. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
3. Вишневский О.О. «Поздний» Фуко. Критика политической рациональности западных обществ. // Вопросы философии. 2005. № 1. С. 143–152.
4. Гвардини Р. Конец нового времени // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 127–163.
5. Дубровский Д.И. Постмодернистская мода // Вопросы философии. 2001. № 8. С. 41–50.
6. Ильин И.А. Наши задачи. М.: МП «Рарог», 1992. 344 с.
7. Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 46–53.
8. Росман В. Платон как зеркало русской идеи // Вопросы философии. 2005. № 4. С. 38–50.
9. Тулмин Ст. Человеческое понимание. М.: Прогресс. 1984. 328 с.
10. Федотова В.Г. Апатия на Западе и в России // Вопросы философии. 2005. № 3. С. 3–19.
11. Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв» // Хайдеггер М. Ницше и пустота. М.: Алгоритм. 2006. 304 с.
12. Холтон Дж. Что такое «антинаука» // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 26–56.
13. Элиот Т.С. Традиция и индивидуальный талант // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. М.: Издательство Московского университета, 1987. 512 с.

POLITICAL CULTURE AS AN AREA OF RELATIONS BETWEEN POWER AND SOCIETY

V.N. Zhouk

Tver State University, Tver

Political culture is interpreted within the article's format as an area of relations between power and society, in which different values, norms, traditions appear, change and decline.

Keywords: *culture, politics, tradition, power.*

Об авторе:

ЖУК Валерий Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: zhoukv@mail.ru

ZHOUK Valery Nikolaevich – Ph. D., Assoc. Prof. of the Dept. of Philosophy and Cultural Theory, Tver State University, Tver, e-mail: zhoukv@mail.ru